

Надо иметь в виду, что в создании монографий следует избегать стандарта. Самое своеобразие творчества каждого писателя требует от исследователей именно раскрытия его специфических особенностей. Задачи, которые ставят перед советскими учеными наша действительность, требовательный и выросший за эти годы читатель, становятся все более сложными и требуют разработки новых проблем, углубленного проникновения в художественную специфику. Именно с этой точки зрения и следует оценивать новую книгу о Гоголе.

Продолжая уже сложившуюся традицию советского литературоведения, М. Б. Храпченко в оценке Гоголя основывается на богатейшем наследии критиков революционной демократии — Белинского, Чернышевского, Герцена. В то же время монография М. Б. Храпченко вносит много нового и ценного в изучение творчества Гоголя, содержит цельный и систематический очерк его идейного и художественного развития.

В первой главе своей монографии автор, как уже указывалось, дает широкий обзор общественной борьбы и литературы 30—40-х годов XIX в., справедливо отмечая, что «противоречия, свойственные Гоголю, были порождены реальной исторической обстановкой, теми условиями, в которых развивалась общественная мысль тридцатых годов прошлого века» (стр. 86). Основное внимание исследователя привлекает становление реализма, его борьба с реакционными романтическими тенденциями в литературе тех лет. При некоторой обособленности этой главы М. Б. Храпченко правильно делает, показывая формирование Гоголя как писателя в обстановке развития всей литературы, ставя его в ряд с Пушкиным, Лермонтовым, Герценом. Но, воссоздавая столь широкий литературный фон, М. Б. Храпченко, к сожалению, не указывает на такие крупнейшие явления, подготовившие реализм Гоголя, как Фонвизин, Грибоедов и Крылов, которые во многом определяли развитие реалистических тенденций в русской литературе до Пушкина и Гоголя.

Вторая глава книги посвящена «Вечерам на хуторе близ Диканьки». М. Б. Храпченко дает яркую и убедительную характеристику этой первой, юношеской книги Гоголя о народе, указывая, что в «Вечерах» дана ярчайшая поэтизация свободной жизни...» украинского крестьянства (стр. 96).

М. Б. Храпченко видит причину поэтизации этой свободной жизни в том, что украинское казачество закрепощено было сравнительно поздно (при Екатерине II) и Гоголь имел в виду не крестьян-крепостных, а казаков. Думается, что при всей справедливости этого соображения оно не исчерпывает вопроса. Ведь в «Вечерах» показан не быт, а выражено то представление о народе, то отношение самого Гоголя к народной жизни, которое обусловило и художественное воплощение духовной одаренности народа, силы и благородства народного характера, как об этом справедливо говорит сам Храпченко (на стр. 96). Поэтизация народной жизни, хотя и овеяна романтическими чертами и красками, не означает еще отказа от реализма, и своеобразие «Вечеров» именно и заключалось в этом сочетании реалистических и романтических приемов повествования. Хотелось отметить и тонкие замечания автора монографии о роли контрастов в этих ранних повестях Гоголя, о переключении действия из бытового в фантастический план — с целью усиления сатирического или трагического звучания.

Вызывает сомнение лишь утверждение М. Б. Храпченко о том, что в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь «ближе всего к Пушкину», к его романтическим поэмам (стр. 128). Думается, что это не совсем так. Гоголь в «Вечерах» ближе всего к сказкам Пушкина, а не к его поэмам, да и самая близость эта скорее в принципах использования фольклора, чем в общем идейном и художественном «утверждении реализма», как пишет М. Б. Храпченко.

Третья глава — о «Миргороде» содержит развернутый анализ произведений, входящих в этот сборник. Давая в основном верную и убедительную характеристику таких повестей, как «Вий», «Старосветские помещики», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», М. Б. Храпченко подчеркивает их сатирическую направленность, отрицание писателем пасторально-идиллического восприятия действительности. Думается только, что в «Старосветских помещиках» нельзя видеть лишь сатирическое обличение духовного распада, лишь ироническое изображение старосветской усадьбы. Правильно указав на то, что в юморе этой повести «явственно ощущаются и глубокие скорбные ноты, вызываемые зрелищем гибели человека» (стр. 143), автор книги все же недостаточно остановился на проблеме гуманизма Гоголя, который в «Старосветских помещиках» проявляется с особенной глубиной.

Центральное место в этой главе занимает анализ «Тараса Бульбы». М. Б. Храпченко убедительно раскрывает вольнолюбивый характер этой повести-эпопеи, видя заслугу Гоголя в том, что он преодолел в ней противоречие героя и народа, ограничивавшее творчество писателей-декабристов, изображавших героев-одиночек. Принципиальное значение имеет и полемика автора книги с точкой зрения, неоднократно высказывавшейся в работах о Гоголе, которая сводит своеобразие художественного метода повести к романтизму, к метафорическому и гиперболическому стилю. М. Б. Храпченко считает, что «реалистическое, героико-эпическое изображение исторической действительности в «Тарасе Бульбе» весьма своеобразно сочетается с романтическими тенденциями» (стр. 195). Мне представляется только, что следовало бы подробнее сказать о конкретных формах этого «сочетания».